

Глава 20. Пожалел ли ты?

— Отныне тебя будут звать Пэй Су.

Сознание приходит к ребёнку в самый обычный, ничем не примечательный момент.

Для Пэй Су этот миг стал переходом от жизни волчонка, ползающего на четвереньках, к жизни разумного дитя.

Он был слеп. Его руки беспорядочно шарили в пустоте, пока не наткнулись на прядь длинных волос.

Они пахли солнцем и свежей травой.

— Я Цин Чаньюй, твой...

Человек, чьи волосы он сжимал в кулачке, на мгновение задумался.

— ...впрочем, неважно.

Пэй Су открыл рот и издал громкий волчий вой.

Его собеседник помолчал, а затем мягко зажал ему рот ладонью.

Дверь с грохотом распахнулась, и в комнату ворвался холодный юношеский голос:

— Старший брат, ты всё ещё держишь при себе это отродье?

Пэй Су не запомнил, что ответил Цин Чаньюй.

Он помнил лишь ледяные слова юноши:

— Забрать его в секту Тайцин? Старший брат, ты об этом пожалеешь.

Кто-то закрыл ему уши, но он всё равно услышал, как вспыльчивый младший брат с грохотом захлопнул за собой дверь.

Волчата от природы выносливы. Он чувствовал лишь мягкость ладоней Цин Чаньюя и подрагивал пушистыми ушками.

Руки Цин Чанъюя, покрытые тонким слоем мозолей, были длинными и сильными. Они всегда успевали уберечь его от опасности, когда он вслепую шарил вокруг.

Эти руки вели его сквозь тёмный, непознанный мир и стали для Пэй Су первым воплощением понятия «человек».

У него не было ни отца, ни матери, не было никого, на кого можно было бы опереться. Если бы он вырос деревом, то Цин Чанъюй был бы его корнями, источником всех его знаний и чувств.

Следующие воспоминания уже обрели краски.

Потому что у Пэй Су появился глаз, выточенный из небесного лазурита.

Это был подарок Бессмертного Владыки на его десятилетие.

Он впервые увидел цвет солнечного света, свои руки, свои белоснежные волосы... и прекрасного человека перед собой, словно изваяние из нефрита.

Цин Чанъюй был облачён в роскошные белые одежды. Его кожа тоже была ослепительно белой, что делало тёмные брови ещё выразительнее, будто нарисованные тушью на белоснежном шёлке.

Рука помахала перед его лицом.

— Видишь? Су-эр.

Юноша улыбнулся, и уголки его глаз изогнулись.

Рука коснулась пряди его волос.

— Белый. Это белый цвет. Цвет снега.

Пэй Су вцепился в его одежды.

— Белый, белый... Чанъюй тоже белый.

— Цыц, никакой субординации.

Он слышал, как Цин Чанъюй что-то бормочет, словно споря с воздухом.

Затем мужчина поднял его, осмотрел со всех сторон и произнёс:

— И как из этого, скажите на милость, может вырасти неблагодарный волк?

Пэй Су обнял руку наставника.

— Я... я отплачу тебе, Чанъюй!

Тот вздохнул.

— Ох, как трогательно.

Пэй Су не знал, кто такие родители. Его вскормила волчья стая, а затем подобрал Цин Чанъюй.

Первым словом, которое он произнёс, было «Чанъюй». И все его мысли были только о нём.

Поэтому, когда младшие ученики секты Тайцин окружили его, обзывая безродным животным, Пэй Су лишь растерянно кивнул.

Он и вправду был безродным. И вправду был волком.

— Но у меня есть Цин Чанъюй, — сказал он.

От этих слов ученики словно взбесились. Насмешки посыпались одна за другой. Они начали запугивать Пэй Су, угрожая продать его в дом утех.

Они твёрдо решили унижить его. Сорвав с Пэй Су одежду, они увидели на его теле метку природного сосуда и зажужжали, как рой мух.

Шум, толкотня, хаос. Пэй Су перестал понимать, что происходит. Он был словно маленькая рыбка, занесённая в бурный океан, — в голове всё плыло от растерянности.

Но по-настоящему разгневался Цин Чанъюй.

Он прошёлся ураганом по всем тринадцати пикам, избивая обидчиков, но левой рукой всё время крепко держал Пэй Су.

Несколько учеников, сплёвывая кровь, указали на мальчика:

— Ладно, ты нас избил, но этот сосуд должен быть передан на хранение секте!

— Бессмертный Владыка хочет утаить его для себя? Может, расскажешь и нам, как ты им наслаждаешься?

Они произносили непристойности, но их жадные, полные вожделения взгляды были прикованы к Цин Чаньюю.

— Или убей это отродье, и мы никому ничего не скажем.

На словах они обвиняли наставника в сокрытии сосуда, но в глазах их плескалась лишь жгучая зависть к Пэй Су.

Гнев Цин Чаньюя достиг предела, но он, вопреки ожиданиям, не обнажил меч. Он просто наклонился, снял с пояса нефритовую табличку ученика секты и сказал, что больше никогда сюда не вернётся.

Пэй Су почувствовал, как в глазах защипало. Даже его незрячий глаз захотел заплакать.

Ему хотелось вместе со всеми умолять Цин Чаньюя не гневаться.

Но Пэй Су ничего не мог сделать. Спор разгорелся из-за него, а он был бессилен.

С того дня Цин Чаньюй, забрав его, навсегда покинул секту Тайцин.

Наставник всегда поступал так, как ему вздумается, и был слишком решителен. Он мог совершить ради кого-то невероятные поступки, но с такой же лёгкостью мог и бросить этого человека.

Пэй Су видел слишком многих, кто, будучи отвергнутым, униженно молил о прощении, теряя всякое достоинство, но не получал в ответ ни капли жалости.

Цин Чаньюй, вероятно, не понимал: относиться ко всем одинаково хорошо — значит не быть достаточно хорошим ни для кого.

Он вызывал и любовь, и ненависть, навлёк на себя бесчисленные обвинения.

Если его не брали ни меч, ни копьё, в ход шли слухи, яды — любые средства. Тысячи несчастных, жаждущих его внимания, объединившись, были способны на чудовищную глупость.

В глазах Пэй Су Цин Чаньюй всегда был недостижим: могущественный, невозмутимый, с вечной улыбкой на губах. Признанный сильнейший воин и первый красавец Поднебесной.

Пэй Су даже представить не мог, что тот может быть ранен.

Пока не увидел, как Цин Чаньюй, захлёбываясь кровью, бьётся в судорогах на постели. Холодный пот покрывал его лицо жемчужной россыпью, а на мертвенно-бледной коже кровавые прожилки в глазах казались особенно яркими. Он был похож на расколотую статую божества.

Оказывается, он тоже мог страдать, чувствовать боль.

Восемнадцатилетний Пэй Су забрался к нему на постель, рыдая и дрожа всем телом:

— Бессмертный Владыка, воспользуйтесь мной!

— Переведите яд на меня, используйте мою силу!

— Позвольте мне стать вашим сосудом, умоляю вас! Иначе вы умрёте!..

Он давно знал, что является природным сосудом — бесценным сокровищем для совершенствующихся, способным принимать в себя чужую энергию и впитывать яды.

Сколько догадок и зависти было в тех злобных взглядах, что бросали на него в прошлом.

Природный сосуд. Рождённый быть инструментом для наслаждения и совершенствования.

Те люди на словах осуждали Цин Чаньюя за то, что он скрывал его, но на самом деле завидовали, что не они были тем, кто мог принести ему пользу.

Юноша лихорадочно растёгивал одежду, его руки тянулись к наставнику. Он дрожал, охваченный тайным, неосознанным желанием.

Если бы только можно было... умереть за Цин Чаньюя — это было бы величайшей честью в его жизни.

Если бы только можно было... коснуться его, хотя бы раз...

Тот должен был быть обессилен, но он, стиснув зубы, с яростью ударил Пэй Су ногой в грудь.

— Ты...

Его голос был таким слабым, но таким отчётливым и жестоким.

— ...животное...

Пэй Су замер.

Глаза, некогда сияющие, как у феникса, теперь были расфокусированы от слабости, но внезапно в них вспыхнул огонь ненависти.

— Прочь!

Это был единственный раз, когда Владыка сорвался на него. Он потерял всякое самообладание, забыв о выдержке мастера меча, и швырял в Пэй Су всё, до чего мог дотянуться.

И снова, и снова кричал:

— Убирайся!

— Убирайся!

Юноша, оцепенев, поднялся на ноги. Сердце сжалось так, что готово было истечь кровью. Он вдруг осознал, что совершил какой-вый страшный грех, способный сломить даже того, кто годами терпел клевету и нападки.

Потому что Цин Чаньюй плакал.

<http://bllate.org/book/16005/1571811>